

Ума лежал пристёгнутым к кровати и запертый в стеклянном яйцеобразном гробу. Над его левой рукой бесперебойно работали щупальца бота-микрохирурга, то и дело погружаясь внутрь раны, прижигая, склеивая и активируя повреждённые ткани руки. Несмотря на наркоз, боль была невыносима, и пациент старался отвлечь себя беседой с посетителями, которым, по-видимому, сама операция была интересней состояния пациента.

— Едрёна ворона, меня слил этот долбанный охотник за головами, — бубнит себе в бороду невысокий рахдиец, — я значится, включаю...

— Да кому интересен твой проигрыш, когда я вышел победителем в отборе, — скрепит зубами оперируемый.

— Я бы не спешил с утверждениями, касающихся твоей победы: как ни посмотри, а Лехц выполнил почти всю работу, — человек во фраке поправляет свой воротник, — к тому же не уйди он, решив оставить тебя живым, закончилось бы всё по-другому.

— Да-да, ищите оправдания моей крутости, неудачники, но таков и был мой план, фу, — Ума пытается сдуть постоянно попадающие в глаза распущенные волосы.

— Думаю, даже самое необразованное существо во вселенной не станет отрицать, что ты не способен что-либо запланировать.

— Чего лучше словоблудить, нет бы, да и по делу трепался, а не нервы трепал, — вмешивается Дурий, — я то вот, ясно дело, навестить товарища пришёл.

— Ой ли, «товарищ», — юноша пытается превратить болезненный оскал в подобие улыбки, — зарделся аки девица, а сам небось рассчитываешь на экспресс билет победителя. И с каких это пор мы стали друзьями-то? Мне, помнится, одному доставалось от бронников.

— Да хрена с два! Я к нему по-дружески, понимаешь, а он сам всё делал, билеты, видите ли, мне нужны! А кто тебе, писюну малорощеному, подсказал энергию терминала использовать, а? Я что на идиота похож, чтоб с бронниками в открытую тягаться?

— Не злись, — Иола сжимает плечо собравшегося уходить рахдийца, — ты же видишь: ему больно, он сознательно остался в сознании, и теперь ему приходится выплёскивать свою боль на нас.

— Посмотрите только, мистер проницательность, — слюна стекает по подбородку монаха, и он пытается вытереть его о плечо, — ты же такой расчётливый и умный, многих ли тебе ещё участников навестить сегодня надо? Так не теряй времени, говори, что хотел, и проваливай!

— Перво-наперво, мне бы хотелось знать количество набранных Вами баллов, — тяжёлый взгляд под золотистой шевелюрой не предвещает пациенту ничего хорошего.

— Чуть больше восьми сотен, ты доволен?

— Восемьсот значит, ясно. Значит Лехц забрал основные баллы команды Бар Дьюка. Думаю: у мутанта уже достаточно очков, чтобы попасть на турнир, и действовать в предстоящих отборах у него нет необходимости.

— Хе-хе, я смотрю: кто-то боится встречи с малышом Филом... или Фином, всё время путаю...

— Только дурак не будет опасаться человека, способного разорвать костюм S класса на куски...

Переходя к сути, по моим подсчётам, на турнир попадут участники, набравшие больше тысячи баллов — в идеале тысяча пятьсот. К тому же, основываясь на оставшемся количестве участников, можно заявить, что нам предстоит пережить всего два отбора. Так как завтра последний день отбора, то вероятно сигнал будет даден под утро и после обеда, по системному времени.

— Ты смотри, всё рассчитал, умник. Родители, наверное, тобой гордятся. А они знают, что ты играешься в одной песочнице с простолюдинами?

— Исходя из количества твоих баллов, чтобы попасть на турнир тебе необходимо в течение дня набрать две сотни очков.

— Просто гений нумерологии, я бы сам и не рассчитал.

— И самое главное, чего ты не можешь знать ввиду своей занятости за последние сутки, так это негласной договорённости между участниками о проведении боёв и ставок. После хаоса первого дня отбора мы решили больше не устраивать бойню: жертвы отбора и так превысили ожидания организаторов. Участники решили договариваться о бое один на один: таким образом, мы избежим лишних жертв, и остальные участники смогут получить очки ставя на победителя. Единственное условие этой договорённости состоит в том, что участники не должны тратить на ставки больше половины своих очков, чтобы победитель не остался ни с чем. Это выгодно всем, и за отбор каждому участнику придётся встретиться только с одним соперником. Также имей в виду, что против участников не желающих выполнять условия, как правило, объединяются другие и не оставляют им шанса на победу... или на жизнь.

— Ух вы, какие молодцы: за спиной организаторов установили собственные правила. Интересно, кто был инициатором этой идеи? — Ума с гримасой боли на лице медленно закрывает и открывает правое веко в попытке изобразить издевательское подмигивание.

Иола, после вздоха безнадёжности за человечество, что породило Уму, продолжил:

— После последнего отбора тебе бросил вызов Гис Шимута. Он силён, и в твоём состоянии целесообразней было бы отказаться, но почти все оставшиеся участники уже договорились о своих битвах на предстоящий отбор. К тому же я не думал, что ты откажешься сразиться с человеком, выжившим в бойцовских ямах интейку, и я принял вызов от твоего имени. Так что после следующего сигнала он будет ждать тебя в зале Памяти. Постарайся прийти, иначе остальные участники тебя уничтожат... думаю, некоторые даже с радостью.

— Хе-хе, принял бой от моего имени, небось, надеешься, что я проиграю. Что ж, пусть так. Надежда такая стерва, что всегда умирает последней. — На секунду пациент скривился, но продолжил. — Как только мне заштопают руку, я поставлю на свою победу, и встречи в турнире нам уже не избежать. Ух, однажды я сотру это самообладание с твоего лица.

— Что ж, посмотрим, неудачного тебе боя, Ума Алактум, на твой бой я не буду делать ставки.

Иола Григ разворачивается на каблуках и с определённой грацией направляется к выходу. Дурый, развесивший уши, постоял немного, переминаясь с ноги на ногу, крикнул и тоже побрёл к двери.

Высокий человек средних лет в клетчатом костюме зашёл в комнату совещаний. Его тонкое острое лицо говорило о плохом настроении, и ассистенты незамедлительно приступили к

докладам за последние сутки. Зачёсывая свои волосы, Блюс, не тратя времени, прерывает ассистентов на полуслове, раздавая указания и распоряжения.

— Винсент не желает продавать свои акции меньше чем за двадцать четыре процента, обуславливая...

— Прекратить переговоры, никаких контактов, пусть понервничает. Он сам выйдет на связь с предложением.

— План на следующее полугодие ещё не завершён, наш спец аналитик...

— На время отстранить. Нанять команду консультантов, пусть закончат работу. Спец — тоже человек, пусть осознает, что его можно заменить.

— Трибун Анесса продолжает вести расследование, она может вычислить переводы от Грекхема и потребовать полной проверки сектора Z.

— Измените документацию, поступления утвердить сегодняшним днём, как пожертвования на турнир. Содержимое сектора Z переместить на два часа... и не забудьте вернуть обратно.

— Участники турнира установили негласные правила, они не...

— Пусть детишки резвятся, они и сами не представляют, насколько хрупки их договоры — зрелище будет.

— Поставка с Ига-44 задерживается, такими темпами они не успе...

— Пусть летят по короткому пути, свяжитесь с пиратами системы Кресто и договоритесь, цена не имеет значение.

— Судьи от ассоциации Нобилити суют свой нос в каждый закоулок, если они начнут докладывать о ваших встречах...

— Не важно, следите за ними, но не трогайте, у них нет доказательств.

— Гильдия контрабандистов недовольна тем, что вы убили их представителя, часть контрабандистов присоединилась к фракции, бывшей под началом умершего, и жаждет крови. Другая часть поддерживает фракцию умеренных и требует компенсации.

— Пусть жаждущие крови утолят свою жажду, захлебнувшись в собственной. Разберётесь с их верхушкой и отправьте умеренным труп погибшего с соболезнованиями и компенсацией.

— Ассоциация прав человека требует отчёта о количестве смертей за время отбора, утверждая, что количество погибших превысило допустимый лимит вдвое... они будут пытаться спихнуть всю вину на нас.

— Потяните время, попытайтесь отмахнуться поправкой о первоисточнике и претенденте, обвините во всём Нобилити.

— Есть основания полагать, что у нас утечка...

— Чушь.

— Но сэр, участники знают, когда будут даны сигналы последнего дня.

— Чистая логика, ничего больше.

— Один из фаворитов часто ошивается возле сектора Z, мы полагаем, он может быть связан с мистером Грекхемом. Может, это его агент.

— Вряд ли, ладно, продолжайте слежку и приставьте к жирдяю ещё пару стрелков, приоритет его безопасности повысить до моего.

— Сэр, у вас встреча через пять минут, — прерывает Блюса уже личный секретарь.

— Мне пора, — бросает ведущий организатор, направляясь к двери, — дальше вы сами, если что — тормозите вопрос до моего возвращения...

Ума находился не в лучшем состоянии. Стараясь фокусироваться на предстоящей победе и не думать о проценте своей боеспособности, он направлялся к месту встречи. Удавалось с трудом, сквозь разум то и дело пробивались мысли: «Тридцать процентов? Сорок? Левая рука — двадцать, ноги по шестьдесят, боль снижает восприятие, дыхание возможно на половину от нормы. Справимся».

После недавнего сигнала боль в руке постепенно усилилась от покалывания до болезненной пульсации. Понимая, что боль соматическая, монах всё же не мог её унять. Что-то мешало, сбивало концентрацию, камнем оседая в подсознании. Воспоминание? Нет, желание чего-то тяжёлого, тёмного и холодного вырваться наружу. Кажется, докторишка переборщил со стимуляторами или заразил пациента бешенством...

Ума шёл к залу Славы, очередной раз минуя улицу Разлома. Прогулка слегка успокаивала. Красочные вывески, запахи и шум поднимали настроение. Бар «Щипка», визио-зал «Комеди», заведение «Расчёт судеб». Стоп... Подсознание опять цепляется за вывеску «Три барона». Барон Радость, Барон Аттракцион, Барон Бродвей. Но монаха уже удивляет не попытки рекламы преодолеть его пси-блокаду. Странно было то, что на этой платформе опять не было посетителей. Ума не мог вспомнить, чтобы в это заведение кто-либо заходил. Быть может: программеры напортачили с вывеской, и вместо привлечения клиентов она их отпугивает. Или вывеска и должна отпугивать клиентов, чтобы скрыть чёрные делишки по ту сторону дверей? Не важно. Отбор не вечен, а враги вечно ждать не станут.

Участник наконец-то прибыл к залу Славы, сплошь усыпанному экспозициями с изображениями известнейших людей Бездны всех времён. До середины зала оставалось идти меньше минуты, и на пути всё чаще стали появляться движущиеся экспонаты. Один, пять, двадцать, и вот уже целая стена из передвижных картин закрывает обзор центра зала, где располагаются лучшие творения человечества. Картины расступаются перед посетителем, но таки успевают врезать свой образ в память. Только и остаётся, что удивляться: как можно писать такую красоту, используя лишь руки и искусственную бактерию Зено.

Радар уловил впереди группу участников. Предчувствие не отступало. Двадцать секунд, и он увидит причину своего волнения... Десять секунд... Пять... Одна...

Они не ожидали его увидеть. Вероятно, дожидаясь собственных оппонентов, участники просто вели досужий разговор. Их было пятеро: четыре мечника из команды «клинков» и пират, известный всем как Уру Ичи или «звёздный бич». Они с лёгким удивлением смотрели на юношу, рефлекторно берясь за оружие. Ума чувствовал, что мечники его опасаются, как дикого зверя, как безумца. Но не Уру Ичи, не человек, столько лет избегавший кары Дозора.

Даже его поведение казалось простой формальностью — похоже, что он вообще не был способен испытывать страх.

— Что ты здесь делаешь? — как ни в чём не бывало спрашивает пират, попутно сплёвывая на пол шару-жвачку, — у тебя же бой вроде как в зале Памяти должен быть.

— А это разве не где-то здесь? — монах неловко чешет затылок.

— Нет, глупенький, здесь зал Славы, а зал Памяти находится в противоположной части комплекса. Поспеши, а не то опоздаешь.

— Ну, лааадно...

Ума замирает, заметив за собеседниками шестого участника, неподвижно лежащего на полу. Знакомая ситуация, знакомое лицо. И незнакомая рана в груди, явно от клинка... смертельная рана. Предчувствие, обретая форму, обволакивает юношу холодом и тьмой, заставляя руку взорваться новой порцией боли, а память ядовитым воспоминанием...

...Последнего, лидера, оглушённого ударом в челюсть, трогать не стал, вместо этого достал свой портативный блок и задал команду:

— Поиск канала связи с ближайшим индивидом.

«Канал обнаружен. Возможна только односторонняя связь», — высвечиваются рунические голо-символы.

— Отправить сообщение: тебе повезло, я ставил на три, бой мне понравился, будешь мне должен.

«Сообщение отправлено», — извещают руны. Парень в чёрной рубе прячет z-блок и не спеша уходит подальше от жилого уровня...

Чувство вины изливается болью в руке, капля за каплей увеличивая груз ответственности за мёртвого участника. Монах не может найти нужное учение прошлых лет, не может оправдать себя за пощаду, за последствия, представшие перед ним.

Змей девяти искусств собирается что-то сказать, но не может, парализованный бессмысленностью всего происходящего.

«Зачем? Зачем, зачем, зачем, зачем? А почему нет? Кто вы? Ахах, так получилось. Зачем? И что? Тебе больно? Разве ты способен испытывать вину?»

Ума Алактум дует на больную руку, и боль уходит, он искренне улыбается и по-детски слишком громко говорит:

— Ваааай, зачем вы его убили!? Он так и не подписался на меня в сети. Хотя, если бы подписался и потом умер, у меня был бы мёртвый подписчик. А если бы мёртвый подписчик начал присылать мне сообщения... Сюжееетец.

— Плохо дело, — Уру Ичи, впервые с момента появления монаха, напрягся, — кажется, мы тебя расстроили.

— Что вы, что вы! — продолжает улыбаться Ума, — Я просто не понимаю: зачем было его убивать. Хоть убей, не понимаю. Ха-ха!

— Я могу понять твои претензии к «клинкам», но не мог бы ты успокоиться. Зачем нарушать столь удобную договорённость. Думаю: твой противник тебя уже заждался.

— Ахах, да плевать мне на договорённость, ведь здесь столько интересных игрушек, столько веселья, столько всего...

Четыре руки сжимают четыре рукояти. Четыре силуэта как один принимают стойку. Четыре атакующие формы начинают движение...

— Назад! — останавливает мечников пират, — я его усмирю, а вы свяжитесь с Шимутой, пусть едет сюда как можно быстрее. — Уру вытягивает из-за пояса электрический бич, нет, два бича, ставшие причиной его пиратского имени. — Если сейчас начнётся хаос, мы все окажемся в минусе, а если фактически выполним условия поединков, то пройдем последний отбор без проблем.

Ичи взмахивает руками, и виброхлысты удлиняются:

— Ума, ты понимаешь, что происходит?

— Конечно понимаю: мы сейчас немного поиграем...

Гис Шимута направлялся к залу Славы. Выбрав быстрый режим перемещения, участнику ничего не оставалось, как дожидаться прибытия, барабана пальцами по стенке ульм-лифта.

Он предполагал, что его противник неуравновешен, но чтобы перепутать зал Памяти и зал Славы — это что-то за гранью. Одно дело, если Алактум не пришёл, тогда он бы считался нарушителем, но когда борец в очередной раз делая разминку получил сообщение, ситуация кардинально изменилась. Кто будет считаться виновным, если Шимута проигнорирует сообщение?

Гис систематично напрягал и расслаблял своё массивное тело, многократно приносившее ему победы в бойцовских ямах. Участник пытался настроиться, зная, что нельзя допускать сомнений. Он уже сражался с подобными бойцами. С быстрыми, где для победы приходилось наращивать скорость своих рук. С непредсказуемыми, где как-никак пригодились многолетний боевой опыт и интуиция. С техничными, которых приходилось превосходить в стратегии.

Столько боли, столько ранений, столько неудач пришлось пережить до момента первых побед. И всё это того стоило. Ребёнок понял, что он вырос, когда впервые победил. Понял, ради чего это, когда на него обрушился рёв толпы, скандируя его имя. Понял, что значит быть сильным, когда противники молили о пощаде. Понял, что такое любовь и предательство, когда нашёл свою семью. Вечно болеющую мать, страдающую от нехватки лекарств на редкие, неинтересные богачам болезни. Вечно пьяного отца, что продал сына в бойцовские ямы ради лекарств, но потратившего всё на выпивку...

Шимута не понимал, отчего он нервничает, не понимал, что это за давно забытое чувство засело в груди. Чувство, свойственное новичкам — волнение. Волнение, приходящее перед каждым боем. Ерунда, он не может проиграть, не может бояться. Страх ушёл навсегда, в тот самый момент, когда он вбивал бутылку в горло отца, когда он нёс умирающую мать в подобие больницы, когда он отдавал все деньги на лечение и возвращался в ямы не смея проиграть. Проигравшим не платят. Проигравшие не могут заплатить за лечение. Победители — могут.

Победители «Ню Нова» могут гораздо больше: и денег и возможностей хватит, чтобы наладить массовое производство лекарств, для всего населения заброшенных колоний. Главное — продолжать двигаться, какое бы чудовище не встало у него на пути. Ульм-лифт, наконец, прибывает к месту назначения; Гис рывком покидает яйцеобразную кабину и проносится через картины, огорчённый тем, что не успевает их рассмотреть, но это уже не важно, потому что он видит его: видит своего противника... своё чудовище.

Ума Алактум стоит в окружении лежащих тел. Живых? Мёртвых? Кто знает. Он дышит жаром и радостным безумием, наблюдая за поверженными участниками. С его рук капля за каплей стекает кровь. Его? Не важно, потому что Ума поворачивается к Шимуте и улыбается. Улыбается, прежде чем напасть...

За пять минут до этого

Виброхлысты в руках пирата искрили электрическими дугами, плясали подобно королевским кобрам во время брачного периода. Но танец электрических бичей преследовал иную цель. Цель в виде юноши, облачённого в чёрную рубу. Цель с небрежно закатанными рукавами, с наспех заплетённой косой и вольной улыбкой на лице.

Бичи раз за разом пытались лизнуть монаха, делясь несущим зарядом, но он был слишком проворен, чтобы позволить себя одарить. Трижды монах проходил через завораживающие вариации атак хлыстов, плавно и быстро перемещаясь вокруг пирата, молниеносно меняя положение тела, уклоняясь в мимолётном полёте-прыжке и ныряя навстречу опасности. Трижды Уру Ичи приходилось уходить в защиту, укорачивая бичи и окружая себя плотным рисунком электрических узоров. И, как казалось, всё шло по плану, пока в происходящее не вмешалась третья сила...

Есть ли разделение в совокупности человеческих поступков? Об этом Уру Ичи никогда не задумывался. Не способный испытывать страх, он просто делал что хотел, когда хотел и с кем хотел. И мало кому удавалось заставить преступника ощутить всю тяжесть последствий своих решений. Но много кому хотелось. Например — Диласу, участнику турнира под номером 15. Бывшему офицер Дозора, отстранённому от службы во флоте за неподчинение приказу, как он считал жестокому и бессмысленному. Человек с принципами и устоями как у него не мог оставить без внимания события последнего отбора. На прошлом отборе Дилас в течение часа вёл бой со «звёздным бичом», и давно он не был так счастлив, как во время этого боя, чистого в своей простоте, где понятен враг, понятна причина и понятен мотив. Бой так и не выявил победителя, но так было даже лучше: можно было ожидать продолжения в турнире, быть может, даже в финале «Ню Нова». Можно было бы ожидать, если бы Уру Ичи не дал понять, что всего лишь играл с противником, что просто убивал время, не интересуясь победой над таким слабаком.

Больше всего бывший офицер желал сатисфакции. Но всё, что мог сделать в виду договорённости между участниками — это ждать турнира. Хотя нет, плевать ему уже было на турнир и на прохождение отбора — он собирался восстановить справедливость любой ценой, не думая о последствиях за нарушение негласных правил. Но когда он пришёл за пиратом, правила уже были нарушены. Ума Алактум кружил вокруг пирата, выискивая бреши в защите и намереваясь прорваться к стоящим за ним мечникам.

Дилас не мешкал и просто интуитивно атаковал Уру Ичи. Кинул круглый нож, заставляя пирата уклониться и ослабить контроль, а затем сделал проход в ноги. Тем самым отвлекая

врага и лишая монаха пиратской опеки.

Уме прыгнул в окружение «клинков». Всё закончилось быстро. Так же быстро, как и началось. Мечники, как один, выхватывают оружие и, продолжая движение, бьют по противнику. Юноша снова прыгает, на секунду чувствуя полёт и пролетая над смертоносными лезвиями. Кто-то вскрикнул, хватаясь за плечо, разодранное кошачьим ударом монаха. Игра продолжается: рассекая пустоту, свистят мечи. И снова Ума приземляется позади врагов — один из мечников хватается за шею в попытках сдержать кровотечение. Игра продолжается...

Дилас и Уру Ичи захлебнулись в безумном темпе своего противостояния: дуги искрятся, пират кружится, безостановочно ударяя по офицеру, офицер маневрирует, отклоняя бичи, играя армейским ножом, стреляя в ответ из игломёта и выискивая брешь в защите пирата. Звуки слились воедино, наполняя мир жужжанием зарядов, щелчками хлыста, свистом летящих игл, скрипом обуви и тяжёлым дыханием соперников.

Дилас, в перекате избегая очередной комбинации, разорвал дистанцию, намереваясь взять передышку и изменить план действий. Как только он покинул радиус атаки Уру Ичи, рядом появился Ума.

— Ого, — заметив поверженных мечников, удивился военный, — ты уже закончил. Но мне помощь не нужна, я са...

Ума бьёт. Бьёт не дослушав, бьёт не глядя, и удар отбрасывает Диласа к стене картин, к одной из экспозиций героев последней войны. Секунда, две — Дилас не поднимается, и юноша бросается на пирата, последнего, кто ещё может стоять... хлысты, охваченные сиянием дуги, устремляются навстречу монаху...

Гис Шимута сразу понял, что парень не в себе. Что-то пробивалось наружу, заставляя монаха нападать на всех и вся. Вероятно, что-то порождённое болью, на грани пробуждения, но ещё не пробудившееся, ещё не убившее никого, потому что юноша всё ещё жаждал битвы. Было только два способа прекратить это: сокрушить безумие силой, или позволить себя убить.

Ветеран интейку, сражавшийся вполсилы все предыдущие отборы, решил не сдерживаться...

Переполненный посетителями бар «Тедди» загудел, потому что, по мнению зрителей, началась самая интересная часть отбора. Самое время для ставок.

— Пять штук на здоровяка! — кричит во весь голос мужчина, минуту назад притворяющийся дамой.

— Поддерживаю! — на волне чувств выкрикивает кто-то другой, не понимая что, или кого он поддерживает.

— Эманацию мне в сраку, ставлю двадцать штук! — оповещает половину бара доктор культурологии.

— Эт самое, славлю... тьфу, ставлю на «бирюзового сыча»! — вторя коллеге, заявляет перебравший сипирда доктор наук лингвистических.

Бармен принимает ставку за ставкой, а на одном из визионов разворачивается действие — одно из самых популярных столкновений этого отбора. Двухметровый, под сто двадцать килограмм ветеран бойцовских ям против монаха Лиан-Чжунь, казалось бы, вполне обычного телосложения. Большинство зрителей ставило на цикианца, что был гораздо выше и шире противника, в расчёте на физическое превосходство. Остальные же надеялись на скорость монаха, ну и на какой-нибудь смертельный удар в его исполнении, разумеется.

Каково же было изумление и тех и других, когда руки Шимуты замелькали с такой скоростью, что было не сосчитать количества ударов...

Гис начал с ударов «плавного расщепления», осыпая Уму молниеносными ударами ладоней, рассчитывая если не на разрушительное попадание, то хотя бы на возможность схватить противника. Юноша успевал за движениями, уклоняясь или отбивая каждый, но это было ожидаемо.

«Он сейчас как дикий зверь: восприятие и интуиция на высоте».

Шимута неожиданно быстро приближается, намереваясь провести захват. Ума прыгает в сторону, но боец таки хватает его за руку и, пока монах не выкрутился, бросает об пол. Извернувшись, Ума ударяет другой рукой пол, останавливая падение, мягко приземляется на ноги и скалится то ли от радости, то ли от злости...

Зритель скучал. Шла битва на истощение. Вот уже десять минут монах атакует бойца интейку, наскакивает со всех сторон, намереваясь достать своими жёсткими пальцами до врага. Рассечь, сломать, вырвать. Цикианец видит каждый рывок незийца, и бьёт на опережение.

Ума уклоняется, бьёт и, не завершив удар, отскакивает, избегая опасности. Снова атакует, уклоняется, бьёт, отскакивает...

Две минуты прелюдии и монах попадает под разрушительную ладонь борца, отлетает назад, группируется и снова бросается в атаку. Борец не доволен попаданием: его предплечье бороздят свежие раны. Хотя какие там раны — царапины, да и только. Но первая кровь пролилась. Осторожность потеряла свой приоритет. Зритель зашевелился.

Пчела пикирует на паука. Филин бросается на лисицу. Акула рвёт кита. Ума атакует Шимуту. Всё чаще звуки ударов доносятся с экранов, всё больше царапин оседают на теле здоровяка. Монах замедлился первым, тратя слишком много энергии на атаку, и Гис уже систематично, раз за разом отбрасывает дикого противника от себя. Зритель оживает, ожидая скорого конца, и перестаёт дышать, когда истощённый боями незиец внезапно ускоряется, минуя встречные удары, и бьёт ладонью по пузу здоровяка, казалось бы, с намерением пронзить соперника насквозь. Удар, сокрушивший броню класса S.

Искусство девятое — космическая длань, техника внутреннего кулака. Уловка срабатывает, и удар-таки достигает свою цель.

«Уловка — это хорошо, значит, сознание возвращается», — пробегает мысль у падающего бойца интейку.

Ума выравнивает дыхание, массирует бесчисленные ушибы по всему телу и уже осознанно старается оценить ситуацию.

— Хера се я повеселился... Ну я и крут.

А боль возвращалась, накопленные повреждения сливались в единый поток мучительной агонии, требуя, чтобы это закончилось как можно быстрее.

— Ну что, продолжим? — непонятно кому адресует свой вопрос Ума.

И Гис Шимута встаёт, без явных признаков повреждений. Вырастает горой над мальчишкой, посмевающим покуситься на его жизнь.

— Ты заметил...

— Притворился поверженным, чтобы я успокоился. Конечно, перед этим хорошенько меня потрепал, вынудил начать думать, за что, кстати, спасибо огромное, а то я что-то совсем разошёлся, как на выпускном.

— Казалось бы, раз ты пришёл в себя, то и продолжать нет необходимости. Но отбор ещё не окончен. И я тебя сокрошу. Опасно будет пропускать тебя в финал.

— Ой ли, у тебя и так проблемы с односложными предложениями, да и атака моя зацепила небось.

— Было щекотно.

— Смотрю, прям, по классике шпаришь, остряк...

Ума атаковал без предупреждения, одним широким шагом покрыв расстояние до противника и ударив ладонью в область сердца. Искусство девятое — космическая длань, техника внутреннего кулака.

— Вот и всё...

Но было не всё. Шимута схватил монаха и бросил через себя, не отпуская руку и намереваясь её сломать. Ума в пике броска дёрнулся, смещая плечевой сустав, изогнулся и ударил в падении по черепу борца. Искусство девятое — космическая длань, поклон маленького цветка. Гис на секунду обмяк, выпустил руку, отвлёкся на хлынувшую из носа кровь и прошептал:

— Слабоват...

Секунда, и Ума вправляет себе сустав, но для бойца из ям этого времени достаточно, чтобы нанести удар. Монах не успевает уклониться — огромная ладонь толкает голову. Юноша качнулся и, прежде чем упасть, успевает подумать о том, насколько слабым вышел удар.

Зрение вернулось не сразу, но быстрее чем контроль над телом. Хотя вернулся ли контроль, если тело слушается с опозданием и нехотя, одаривая каждое движение болью?

«Вставай! Сколько прошло времени: секунды, минуты, часы? Почему всё плывёт? Я почти не вижу».

Ума чувствует, как что-то течёт из глаз, ушей и носа.

«Что это? Ахах, конечно — кровь, что же ещё! Блин, как же хреново... Что это было: космическая длань? Нет, что-то другое».

Гис ещё приходил в себя после предыдущей атаки монаха. И не спешил добивать противника. Искусство девятое — космическая длань, техника внутреннего кулака. Ума снова атакует, желая выяснить, почему его удары не действуют. Ладонь ударяет борца в бок, но повреждений не наносит: ударная волна не доходит до органов. Шимута в ответ аккуратно толкает голову юноши, заставляя новые потоки крови хлынуть из носа и ушей, вынуждая тело рухнуть на пол. Снова.

«Темно. Где я? Не могу вспомнить. Нет, можешь! Могу? Но зачем? Слишком плохо — хочу спать. Слишком плохо, чтобы спать! Что-то холодное подо мной: земля? Нет, кажется, пол. Значит, я не дома. Я не могу там быть. Где же я? Почему так больно? Я сражаюсь? Тогда нужно встать. Двигайся, жалкое отрепье, двигайся! ... Хорошо! Но ничего не вижу. Чувствую. Кто-то впереди...»

Гис Шимута не понимает: зачем этот глупец встаёт, зачем ищет взглядом противника, если он не в состоянии драться.

«Только не плакать, только не плакать, — твердит себе здоровяк, и снова ударяет по полумёртвому противнику, — спи, и не вставай, хватит на сегодня мучений».

Ума не видит удара, но чувствует колебания воздуха возле своего лица — пригнуться! Что-то движется над ним, почти касаясь затылка — схватить! Рука — хорошо, главное не отпускать, значит, где-то там — ноги. Пытаясь выкрутить руку, юноша своими ногами обвивает ноги противника, и они оба падают на пол. Искусство шестое — лианцуань. Ритмично и без лишних затрат ослепший змей девяти искусств пытается обвить свою добычу, выйти на болевые или удушающие приёмы. Гис принимает участие в партии и, одарённый опытом бесчисленных сражений, на каждый приём отвечает контрприёмом, пытаясь доминировать над гораздо более лёгким противником. И Ума пользуется этим, чтобы снова провести захват, получая в ответ контрзахват, и ответить своим контрзахватом, готовясь к новому захвату со стороны врага. И так по цепочке.

«Силён, ой силён, — ступенчато проносятся мысли в голове уставшего Змея, — в борьбе я ему уступаю».

Мастер выскальзывает из очередного захвата и ломает один из пальцев цикианца.

«Но иначе никак: повреждения зрения и слуха не дадут мне шансов в стойке».

Шимута оказывается сверху и начинает бить придавленного им Уму.

«Только при полном сближении я могу реагировать на его атаки».

Змей уклоняется от очередного удара и обвивает ногами шею бойца.

«Нужно держаться, держаться до последнего!»

Гис бросает своё тело на пол и, перекутившись, вырывается из тисков.

«Ну, капец мне...»

Шимута хватает ногу и выкручивает пятку.

«Надо что-то делать!»

Ума, терпя из последних сил, дотягивается до оппонента и кусает его за ногу, хозяин ноги кричит и выпускает монаха из захвата.

«Хе-хе, так-то лучше! — юноша сплёвывает кусок кожи на пол — понеслась!»

И юноша снова бросает своё тело в бой, слабо соображая, что происходит, рассчитывая на отточенность своих рефлексов.

...техника змее-паука... игривый койот в пустыне... водяной червь учится летать...

Раз за разом противники пытаются довести свои техники до конца, и каждый раз встречают противодействие своему приёму.

...лунный шелкопряд поёт в ночи... цветение алмазной паутины... техника королевского слизня...

Ума подобно воде, просачивающейся сквозь каменные пальцы, уходит от захватов, вливается в нарастающий поток битвы и меняет направление течения.

«Чувствовать, чувствовать точки взаимодействия, реагировать с моментальной плавностью, сила врага — твоя сила, ошибка врага — твой шанс».

...надавить под рёбра, захватить ноги... высвободить шею, ударить локтем... отжать голову, захватить руку... блокировать колено, перекинуть...

Змей потерял счёт времени, и хотя ещё продолжал попытки, уже знал: бой проигран. Усталость и травмы не оставляли шансов. Юноша был не в состоянии нормально двигаться, он уже с минуту только и делал, что защищался.

«Зачем? Зачем я продолжаю сопротивление? Защищаясь, у меня не будет и шанса на победу: этот засранец не из тех, кто допустит ошибку... Только атакуя, но я не могу... Больше не могу...»

Гис Шимута наконец-таки зажал шею монаха в удушающем захвате. Шея напряглась, затвердевая как бревно, сильные пальцы впиваются в руку, требуя освобождения. Но боец терпит, терпит, как и тысячу раз до этого на кровавых аренах интейку.

«Держись! Не смей засыпать! Но зачем, зачем продолжать? Сил не хватит, чтобы вырваться из этого захвата. Мне не победить, чего я жду? Сигнала? Где он? Сколько времени осталось? Ненавижу!»

Ума Алактум начинает ослабевать...

«Ты смотри, твой любимец проигрывает, как я и говорил», — спец информант администрации турнира посылает сообщение коллеге.

«Погодь, может он ещё продержится», — получает он ответ среди общего потока обрабатываемой информации.

«Ага, как же, ща притвориться мёртвым и как в фильмах ударит исподтишка».

«Заткнись, отбор скоро закончится».

«Всё равно, не протянет до сигнала... он уже перестал сопротивляться».

«Вот блин...»

Тело Умы обмякло безвольной куклой, только шея осталась напряжена.

«Собрать, собрать как можно больше сил. Давай же, где эти долбанные резервы организма, отдыхай скорей, ленивый кусок мяса! Скорее! Дольше пяти секунд не протяну!»

Змей наугад наносит хлесткий удар по глазам противника, но не дотягивается. Выгибается, просовывает руки себе за поясницу и, проталкивая пальцы через мышцы борца, хватает рёбра Шимуты.

Хрустят рёбра. Кричит здоровяк. Хватка ослабевает.

«Никогда, никогда не сомневаться в своей победе!»

Ума вырывается, Гис намеревается встать и добить гада. Монах рывком, тратя последние силы, перепрыгивает через него, почти касаясь своим носом его макушки и, обвивая руками шею, оплетая ногами тело, валит бойца обратно на пол.

Актёры поменялись ролями. Каждая секунда проходила в безмолвной борьбе. Шимута, подобно беснующемуся шторму, заметался по полу. Ума, присосавшись пиявкой, душил живой ураган.

«Засыпай, засыпай же! Пожалуйста! Чувствую, чувствую, как замедляется твой пульс, ещё немного, ещё чуть-чуть!»

Ураган поднимается и рушится об пол, поднимается и рушится, поднимается... Внезапно, борец замирает, прекратив сопротивление.

«Наконец-то, наконец-то это закончилось, я победил!»

Юноша не сразу понял, что его повреждённый слух уловил отдалённый звук аккорда ровиандо...

«Нет, нет, только не так, я же почти победил, только не сигнал...»

Браслет участника колет запястье, и Ума, ослабив захват, распластался по полу.

«Так они по окончании отбора могут вколоть нам транквилизатор — разумно...»

Боец-борец Гис, растирая шею, ложится рядом с недавним противником. Время останавливается. В ушах звенит, темнота уносит куда-то вдаль...

— Какой-то неловкий момент получается: ты лежишь слишком близко, — пытается крикнуть Ума, понимая, что крик его рождает лишь шёпот.

Гис слегка отодвигается.

— Это провал, полный провал, я проиграл. Ты что-то говоришь? Не утруждай себя, я всё равно

почти не слышу. А знаешь: я вспомнил, как избежать повреждений внутренних органов от техники внутреннего кулака. Это же основа основ, как я мог забыть...

«Я же говорил, что он продержится!» — спец информант посылает неприличные символы коллеге.

«Вообще-то я бы на твоём месте не радовался...»

«Это почему?»

«Этот идиот-монах поставил на то, что он победит в отборе Шимуту. А Шимута поставил, что не проиграет в отборе».

«Это значит...»

«Да, может Алактум и прошёл этот отбор, но он потерял половину баллов... только чудо оставит его в турнире...»

007

«Всё запомнить невозможно. Потому что не нужно. Нам кажется, что не нужно... той нашей части, что отвечает за лень и готовой стереть всё ненужное, лишь бы мы не загнали себя до смерти. Только нельзя знать наверняка, что тебе может пригодиться, а что нет. Поэтому профессионалы продолжают раз за разом повторять своё тысячекратно пройденное обучение. Ведь упущенная деталь в один момент может уничтожить всё, чего ты достиг...

Бред! Я не собираюсь говорить, что облажался и оправдываться. Не в нашем мире, где упорное повторение и талант заменяют искусственными специалистами и модификациями. Но так даже лучше...

Плывать, что лекарства затуманили мой разум. Плывать, что привыкший к мутациям и технологиям, я недооценил обычного противника похожего на меня. Потому что это было весело. Первый участник, к которому я мог бы испытать симпатию. Мог бы, но не стану...

Ты вообще знаешь, какого это, не испытывать ничего? Просто идти вперёд, когда всё кажется таким естественным и очевидным, когда не надо принимать решений, основанных на навязанном мнении, когда не надо утолять свои жажды, страдая, смеясь или что-то доказывая. Когда ты становишься проявлением чистой энергии, силы, и общение возможно только с таким же человеком, отошедшим от привычных социальных понятий. И общение между вами в основном будет состоять из молчания... или действия.

Что ж, этот вопрос не имеет смысла. В любом случае, наилучшим ответом тут будет молчание. Столько форм... столько нас...

Ты по-прежнему считаешь людей чем-то хорошим? Что ж, соглашусь с этим, только если эти люди были обработаны всеми видами моей шлифовки...»

— Вааау! Какой крутой удар!

— Ты не дос...

— А стены им пробивать можно? А взорвать бронебот? А за сколько я его выучу? А ногой так можно? А вы так можете? А на расстоянии он...

— Тихо! — повышает голос учитель, прерывая бестолковый поток вопросов. — Ты только посмотрел обучающий ролик, их показывали монахам Дзен Ун перед обучением. Видишь ли, если последователи Паятту и придерживаются старомодных принципов о передаче учений от человека к человеку, то Лиан-Чжунь понимают, что сегодня этот метод не эффективен: всё равно уже все техники есть в свободном доступе. И именно из-за этого они мало кому интересны.

— Угу-угу, — кивает мальчишка, сосредоточенно глядя на экран.

— Ты же меня даже не слышишь, не так ли? Небось, воображаешь, как будешь гасить звёзды, изучив эту технику.

— Угу, — оболтус само концентрированное внимание.

— Ну что мне с тобой делать? Я же уже выключил экран, сколько можно представлять себе небылицы?

— Гм... — ученик обдумывает слова учителя.

— Что ещё за «гм»?! Как глубоко ты ушёл в себя? Куда вообще ты можешь уйти, ты же пустоголовый что лемуру! Ладно, я знаю, чем тебя отвлечь.

Экран загорается, показывая тренировочный процесс, сиюминутно привлёкший внимание мальчишки. Экран в старомодной манере показывает двухмерную картинку, где кучка монахов лупят по огромным шарам. Шары наполнены водой и по размерам достигают почти человеческого роста. Последователи Дзен Ун безуспешно бьют ладонями по упругим тренажёрам, но пузыри лишь отскакивают к стене и невредимые возвращаются к монахам, а некоторые вообще упрыгивают за пределы тренировочной площадки, заставляя учеников напрочь забыв о пафосе нелепо бежать вдогонку. Экран фокусирует внимание на одном из тренирующихся — он бьёт плавно и сильно, и шар, наконец-таки, лопаётся с обратной стороны, выливая на площадку своё содержимое. Монах без сил валится в образовавшуюся лужу...

— Как видишь, неуч, на изучение этой техники уходит немало времени и сил: все последователи, освоившие её, гораздо старше тебя. Так что с сегодняшнего дня ты будешь в сложные дни тренировок наносить как минимум по тысяче ударов по водяному шару, а в лёгкие дни не меньше трёх тысяч...

Один из люков в стене открывается, и в комнату выкатывается наполненный водой пузырь.

— Чем чаще ты будешь...

Но мальчишка уже не слушает, он срывается с места, готовый завизжать от радости и начинает лупить по шару; шар скачет по комнате, озорник гонится за ним. Началась бесконечная игра: ученик наносит удар, пузырь катится прочь, мальчишка догоняет, снова бьёт, чтобы шар снова поменял своё местоположение.

— Ну что ты будешь делать... — нарочито сердито ворчит наставник.

Проходит с полчаса, прежде чем обессиленный, задыхающийся мальчишка сдаётся. Он пытается схитрить и проткнуть пузырь пальцами, что, к удивлению нарушителя, и происходит.

Шар лопается, заливая нерадивого ученика ледяной водой. Мальчик кричит от неожиданности, пытается отпрыгнуть назад, но поскользывается на мокром полу и падает.

— Вот поэтому и не стоит обманывать тренировку, это всё равно, что обманывать понос. Как бы ты не мужался, всё равно всё выйдет наружу. — Подводит итоги учитель. — А теперь вытри пол, и не вздумай как в прошлый раз спихнуть работу на Варфоломея, это тренировочный дроид, а не уборщик!

— Но учитель, дроны-уборщики не запрограммированы выполнять мои приказы!

— Потому и не запрограммированы, чтобы ты сам за собой убирал, это надо было додуматься, боевого гомункула использовать как... Ну да ладно, приступай к работе.

Нерадивый ученик вздыхает, идёт за ведром и тряпкой вероятно придуманных специально для наказаний и начинает вытирать пол. Наставник тем временем продолжает свой урок:

— Как известно, многие школы боевых искусств утверждают об умении связать воедино физическое воздействие с энергетическим. Дзен Ун не отрицают, что имеют в арсенале подобные техники, но в первую очередь делают акцент на физический аспект. По сути то, что ты видел, всего лишь первая ступень в освоении искусства космической длани: просто ударное воздействие на жидкости организма. В идеале, будучи мастером, ты будешь способен любой удар превратить в фатальный. Используя не столь масштабное и более сфокусированное направление удара. И не надо там уже распылять свою фантазию: к тому времени как ты её освоишь, я сделаю из тебя более или менее приличного человека.

Засиявший было мальчишка снова понурил голову и выжал из тряпки очередную порцию воды.

— И не следует слишком сильно полагаться на подобные удары: достаточно опытный боец сможет избежать урона от прямого попадания, если знает принцип их работы.

Кажется, ученик потерял всякий интерес к технике внутреннего кулака, и учитель срочно решил поправить ситуацию:

— Но, если ты овладеешь техникой в совершенстве, сможешь нанести урон самым опасным, сильным и неуязвимым чудовищам этого мира. Именно благодаря упорной работе над подобными умениями обычные люди и держат в страхе йолов, вызывают уважение у потагетов, ставят на место мутантов, мод и спец, смеются над доспехами рыцарей Урии...

Кажется, мальчишка приободрился, и наставник облегчённо вздохнул.

— Конечно, ты должен знать способ защиты от подобных ударов и учитывать уровень мастерства противника, способного обернуть твою технику против тебя. Если повреждения работают по принципу ударной волны, то и защита от удара будет такая же. В момент удара ты должен создать рикошет через отдачу, ударив ближайшую поверхность или самого себя. Ты должен будешь научиться молниеносно создавать вибрацию в своём теле, чтобы она сбивала ударную волну внешнего воздействия. Поэтому, к уже имеющимся ударам по шару, ты будешь добавлять отдельное упражнение. Из боевой стойки достаточно быстро вбиваешь свою стопу в пол, чтобы отдача пошла по всему телу. Попробуй... вот так... хорошо... знаю, знаю, что больно, не ной. Будет трудно, но со временем ты сможешь это делать почти не напрягаясь... Кто знает, может однажды это спасёт тебе жизнь...

<http://tl.rulate.ru/book/8500/159576>